

Отечественные фильмы по-прежнему отлучены от зрителей. И новые «звезды» загораются, как правило, в узкопрофессиональных аудиториях — под аплодисменты коллег и журналистов. О 26-летнем Евгении МИРОНОВЕ сегодня говорят гораздо чаще, чем о его сверстниках-актерах. А стать фаворитом у «своих» сложнее, чем у самых взыскательных зрителей. Мирову это удалось: он ни на кого не похож и атакующе талантлив.

Субтильный с виду юнец (сам признается, что в 18 лет выглядел на 12) обладает мощной внутренней экспрессией. Ему чужда обыденная сиюминутность, страсти его персонажей в любом, даже самом приземленном сюжете достигают прямо-таки шекспировского размаха.

Букет наград принес Евгению Мирову фильм «Любовь», поставленный Валерием Тодоровским: приз за лучшую мужскую роль на фестивалях «Кинотавр», «Созвездие» и на престижнейшем актерском фестивале в Женеве. А на днях Мирову вручили приз российской кинопрессы, назвавшей его лучшим актером года.

Удачно складывается и его сценическая судьба: в театре Олега Табакова он играет центральные роли в самых кассовых спектаклях.

— Женя, а как ты попал в табакоскую команду?

— Окончив Саратовское театральное училище, я приехал в Москву с одной мечтой — учиться в Школе-студии МХАТ, и непременно у Табакова. Стою, мерзну на Тверском, возле МХАТ (тогда еще не поделенного) и поджидаю Олега Павловича. «Здрасьте, — говорю, — я из Саратова». Хитрый был ужасно — думал, Табаков сразу купится: сам саратовский. Он на ходу продиктовал домашний телефон и исчез. Неделю через две я добился показа, и вскоре Олег Павлович принял меня на свой курс — сразу на второй. Пришлось экстерном сдавать экзамены за первый курс. Напряжение колоссальное. Спал по два часа

в сутки... Но я был одержим, уверен в своих силах — наглость моя порой переходила всякие границы.

— «Наглость» давай возьмем в кавычки. С тобой это слово совсем не вяжется.

— Вообще-то в детстве я был скромным-скромным, пай-мальчиком. Но когда требовалось подготовить капустник или речевку к дате, я сразу становился в школе человеком номер один. Сам писал пьесы и сам же исполнял в них главные роли. В пятом классе поставил оперу «Красная Шапочка» на музыку... «Аиды» Верди.

— Патетическая, видно, получилась «Красная Шапочка»!

— В этом спектакле я читал текст «от автора» и изображал оркестр: играл на фортепьяно, аккордеоне, на барабане. Лучшего класса по самодеятельности не было в школе, и меня все время старались перетасовать в параллельный!

— Театром тебя «заразили» в семье?

— Родители никакого отно-

«СТРЕЛЕЦ»

Неделя. — 1993. — февр. (№6). — С. 8-9

шения к искусству не имеют. В военном городке Татищево, под Саратовом, где мы прожили 15 лет, мама работала электромонтижницей, отец — шофером. Я перевез их в Москву — оба теперь в табакоском театре: мама — билетер, отец — рабочий. Младшая сестра с детства ревновала, когда меня называли «артистом», может, поэтому и решила поступать в хореографическое училище — сначала училась в Саратове, а заканчивала в Питере, Вагановское. Сейчас Оксана — в труппе Театра классического балета, у Касаткиной и Васильева, недавно станцевала главную партию — Гаяне... Живем все вместе, в общежитии, в 15-метровой комнате.

— Вот она — оборотная сторона «звездной» жизни по-советски...

— Знаешь, когда я приехал

на конкурс в Женеву, то почувствовал себя немислимой «звездой» Европы. Мало того, что у меня было два переводчика (для официальных церемоний и общения вне этикета), — я жил в лучшем отеле, мне сшили смокинг — специально для церемонии награждения, а сама церемония транслировалась на 30 стран! В Женеве, кстати, познакомился с Даниилом Бергманом, сыном величайшего режиссера, замечательным парнем (он привез в Швейцарию картину о своем детстве, снятую по сценарию отца). Так вот, когда мы договаривались о встрече в Москве, Бергман спросил, можно ли остановиться у меня дома. Я ответил: конечно, можно, но больше одного дня вряд ли выдержишь! У самого Даниила — роскошный замок на острове в Швеции.

— Помимо эйфории, принес ли тебе женевский фестиваль полезные деловые контакты?

— Я получил несколько приглашений сниматься, в том числе — на «Коламбии Пикчерс».

— Неужели у тебя не было соблазна махнуть на все рукой и уехать, хотя бы на время, в заоблачные дали?

— Не было. Я четко знал, что сниматься в Голливуде в посредственной картине — дело неперспективное (а в Лос-Анджелес мне предлагали лететь прямо из Женевы: была конкретная роль, конкретная сумма). Если бы такое случилось года три назад, я, наверно, попал бы в психушку от счастья!

Между прочим, в отношении соблазна у меня была уже хорошая закладка. Два года назад предстояло решать: ехать с театром на гастроли в Америку либо сниматься у Валеры Тодоровского в фильме «Любовь». Дал Табакову прочесть сценарий, спросил совета. Сценарий ему понравился. «В таких случаях, — сказал Олег Павло-

вич, — выбираю интересную работу».

В театре я продолжал бы играть свой репертуар — независимо от поездки. А в кино роль такого масштаба мне предложили впервые. Я понимал, что «Любовь» — мой шанс, и остался в Москве.

— Слушаю тебя, и возникает образ человека с железной интуицией и волей.

— Нет-нет, колебания, конечно, были. Сам посудите: Америка, суточные — 40 долларов, огромные деньги для нашего человека! У меня и сейчас-то не шибко с деньгами, а тогда просто нищенствовал. Я хитрил, говорил Валере Тодоровскому, что, может, поеду не на весь срок, а недели на две, но перенести съемки было невозможно. Где-то я прочел: Лев Толстой, когда у него были сомнения, как должен поступить в экстремальной ситуации персонаж, бросал жребий. Я сделал так же. К счастью, выпала «Любовь».

— А родители с пониманием отнеслись к твоему решению?

— Об этом лучше не вспоминать! Мы вместе поехали на Новый год в Ленинград (сестра еще училась). И вот я торжественно заявляю, что подписал со студией договор. «Женя, ты сумасшедший!» — только и промолвила мама.

— Представляю, с какими чувствами ты провожал табакосцев в Америку!

— На душе было тоскливо. Зима — холод, грязь. Я уже начал сниматься. А ребята, которые жили со мной в общежитии, паковали чемоданы... Но виду я не показывал: наоборот, ушел с головой в работу.

— Валерий Тодоровский, фактически твой «крестный» в кино, бережно передал тебя «в руки» своему отцу, Петру Тодоровскому. Из современной Москвы (место действия «Любовь») ты попал в атмосферу военного городка начала 50-х («Анкор, еще Анкор!»). Твои детские воспоминания о жизни в военном городке как-то совпадали с тем, что предстояло играть?

— Армия — уникальное место, где, по-моему, ничего не меняется. Все очень похоже: те же ситуации, даже фамилии совпадают — у персонажей и реальных людей, которых я знал по городку Татищево. Поэтому войти в атмосферу фильма мне было не так сложно. Петр Ефимович Тодоровский делал картину о своей юности, это режиссер со светлым мироощущением, и мы быстро нашли общий язык. Мне кажется, в кино вообще сегодня необходим «хепли энд», люди устали от чернухи, бесконечных катастроф. Помню, посмотрел картину Лопушанского про ядерную войну, и жить не хотелось, иду по вечернему Арбату, все меня раздражает, даже фонари... Быть оптимистом — штука более ценная. Хотя, может, сам я нередко и страдаю от этого.

— Женя, а тебя не расхолаживает, что почти никто не видит фильмов с твоим участием? На что ты рассчитываешь?

— Меня совершенно не волнует вопрос популярности. Я рад за своих товарищей, которые успели впрыгнуть в «звездный эшелон». Сейчас — другое время. По гороскопу я — Стрелец, и у меня все подчинено одной-единственной цели. Отметаю то, что мешает делу, профессии. Кстати, недавно вернулся в Школу-студию МХАТ в новом качестве. Как режиссер-педагог работал со студентами над чеховским «Ивановым». Соприкоснулся с Чеховым, стал читать записки Антона Павловича — полезная вещь!

Для меня важнее всего лицедейство. Может, Табаков это во мне разбудил. Смотрю, к примеру, на Дастина Хоффмана и вижу, насколько он интересен в самых неожиданных проявлениях. Театр дает мне возможность не повторяться, быть разным. А вот в кино, к сожалению, стали предлагать однотипные характеры. У меня лежат четыре сценария, читаю и думаю, как поступить: соглашаться или пока уйти из кино. Может, опять жребий бросить?..

Вадим ВЕРНИК.
Фото Юрия ЛУНЬКОВА.

Школьная эволюция

Среднее 1993